

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

28 ФВ 1984

ЭКСКУРСИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

В ДВАДЦАТИ ВЕРСТАХ ОТ ЕЛЬНИ

Адрес своей усадьбы дал мне сам композитор Михаил Иванович Глинка в своих «Записках», точно назвав приметы пути: «Имение это находится в 20 верстах от города Ельни... по реке Десне (близ ее истока) и в недалеком расстоянии окружено непроходимыми лесами, сливающимися с знаменитыми Брянскими лесами».

Доехал до Смоленска, откуда другим поездом добрался до Ельни, и осталось еще 20 верст.

Там, в Новоспасском, была назначена встреча, которую мне устроили Александр Илларионович Швайкин и Тамара Кузьминична Королева. Они супруги, бывшие сельские учителя.

Они ждали меня в бревенчатой двухэтажной школе с чисто отмытыми половицами, запахом печного дыма и старых книг.

Здесь и был расположен первый на родине Глинки музей. История его необычная.

Вспоминали: приехали в шмаковскую школу-интернат в 1961 году из города Гагарина. Знали, что живут на усадьбе Глинок, но ничего, кроме церкви, где венчался отец Глинки Иван Николаевич с похищенной им из соседней усадьбы невестой Евгенией Андреевной, окрест ничего не сохранилось. А каждое лето сюда ехали туристы и первым делом шли в школу (куда же еще?), просили показать глиновские места и рассказать о них. Но и в самой школе висел единственный портрет композитора, а рассказать и вовсе ничего не могли. Отсюда и пошло: супруги решили хотя бы для себя лично прочитать все написанное самим Глинкой и о нем.

Так у Тамары Кузьминичны за 20 лет накопились стопки исписанных общих тетрадей, своего рода энциклопедия Глинки. Записали со слов старожилов соседних деревень легенды и были, собрали предметы быта и утварь старины. Находки сначала заняли школьный коридор, потом их стало множество, и когда школа переехала, здание отдали под музей.

Правительство выделило средства на реставрацию самой усадьбы, и была она совсем не простой. После смерти композитора дом был продан купцу Рыбакову, разобран, сплавлен по Оке до Коломны, и там его следы пропали.

Творческая группа объединения «Росреставрация» во главе с главным архитектором Я. Д. Яновичем составила проект восстановления старинной усадьбы.

Сестра Глинки Людмила Ивановна Шестакова в своей книге «Былое М. И. Глинки и его родителей» писала, что все потолки в усадьбе были расписаны лучшими московскими мастерами. Во всех парадных комнатах были шпиферы обои, купленные в Петербурге. Было 20 комнат нижнего и 14 — второго этажа.

А как они располагались? Хорошо еще, что в музее Большого театра СССР сохранился план новоспасского

дома Глинок, который составил по памяти племянник композитора А. Н. Измаилов.

Как же создавать интерьер каждой комнаты? Швайкин обнаружил в архивах передаточную опись от 18 июня 1860 года на 174 предмета быта: после смерти сестры композитора Ольги Ивановны наследство переходило к ее мужу. Но и оно все было со временем утеряно. Зато теперь хотя бы имели представление о том, какого рода мебель можно искать в замкнутой подлинной.

М. И. Глинка в своих письмах и воспоминаниях часто упоминал «любимую залу», где ему так легко и весело работало. А как она выглядела? Оказалось, что существует рисунок Е. Врангель «любимой залы». Летом 1835 года Глинка работал здесь над партитурой оперы «Иван Сусанин».

На рисунке четок стиль «ампир» дивана, ломберного столика, двух зеркал с подставками. А в правом углу — рояль. Но какой марки? Известно, что в усадьбе было три рояля: «Тишнер», «Вирта» и еще один. Специалисты решили, что в «любимой зале» стоял «Тишнер». Такой, какой находится сейчас в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии.

Конечно, о передаче этой реликвии никто не мечтал. Однако музей не мог обойтись без рояля хотя бы той же марки.

«Куда обратиться? — рассуждали Александр Илларионович и Тамара Кузьминична. — Что предпринять?»

Разослали письма антикварам. Круг их невелик, они хорошо знают друг друга, да и «личные дела» многих редких вещей им известны доподлинно.

В первый год поисков Швайкины получили сведения, что после войны в поле зрения антикваров попало два «Тишнера». Один, кажется, приобрел Павловский музей русского быта под Ленинградом. А где же второй?

Нашли другой путь, более верный и точный: обратиться к старым настройщикам. Ведь кто-то из них наверняка должен был настраивать «Тишнера», если он сохранился.

Однажды пришло письмо из Новосибирска. Писал человек, что лет пятьдесят назад он настраивал такой рояль в детском саду какой-то области. Но где именно, сказать не может: ведь ему уже за 80! Единственное, в чем он был уверен, инструменты этой марки долго жить не могли, они делались из непрочного дерева и со временем рассыпались.

Все надежды, казалось бы, рухнули. Но, как бывает, помог случай. Телеграм-

ма из Москвы срочно вызвала Александра Илларионовича в столицу. Антиквары сообщили о заявке на оценку какого-то рояля в старинной московской семье.

И Швайкин немедленно выехал. Перед ним в темном углу большой комнаты стоял почти разрушенный «Тишнер».

— Между прочим, — сказала хозяйка, — рояль принадлежал князю Сергею Голицыну.

Глинка был лично знаком с Сергеем Голицыным — поэтом, композитором и певцом, известным среди друзей под прозвищем «Фирс». О нем Глинка писал: «Знакомство с князем Сергеем Григорьевичем Голицыным имело важное влияние на развитие моих музыкальных способностей... писал для меня стихи и охотно исполнял мои сочинения». Известные романсы «Скажи, зачем», «Забуду ль я», «Разочарование» созданы композитором на слова С. Голицына. Если рояль действительно принадлежал «Фирсу», то Глинка должен был бы исполнять на нем свой произведение в кругу друзей князя.

Ну почему же «Тишнер» оказался в московском доме? По словам хозяйки, рояль некогда был продан художнику, жившему в Париже. Все свое достояние тот завещал ее мужу.

Итак, один из трех инструментов занял свое место на родине Глинки, но ведь нужен еще один — фирмы «Вирта». Здесь удача уже сама шла в руки.

В старой ленинградской квартире жил старик со своим роялем. Сам он никогда не играл, был художником и не знал, кому предложить древний инструмент с давно устаревшими струнами. Его и отыскал Александр Илларионович Швайкин с помощью многочисленных друзей сельского музея. Это оказался искомый «Вирта».

Супруги Швайкины определили, что точно такой же был в квартире Даргомыжского. Они с Глинкой дружили, бывали в гостях, вместе музицировали. И сейчас в музее Александра Сергеевича Даргомыжского стоит подобный рояль с заводским номером 2000. А приобретенный для Новоспасской усадьбы имеет номер 1000.

Поиски пропавших вещей из усадьбы продолжались. Мать композитора Евгения Андреевна Глинка была родом из деревни Шмаково. Две войны прошли по этой земле. Многие дома сгорели, поэтому надежда найти здесь что-нибудь стоящее для музея была скромная. И все-таки бывшие сельские учителя предложили школьникам присмотреться к старым вещам в собственной избе. И вот в доме Ольги Федотьев-

ны Ивановой обнаружили тяжелый шкаф-буфет, выставленный за ненадобностью в сени. На верхней его планке Швайкины заметили чуть заметную, скрытую пластинами масляной краски резьбу. Оказалось, стилизованный герб рода шмаковских Глинок.

Долго я стоял у живописного портрета юноши, очень похожего на молодого Михаила Глинку. Все совпадает в чертах лица, только имя другое — Олег, а фамилия — Глинка. Олег Глинка. Писала его перед войной художник Вера Николаевна, тоже Глинка, внучата племянница композитора. Олег сгорел в танке на Курской дуге, и мать его подарила портрет сына музею.

Другой потомок — Дмитрий Всеволодович Глинка — установил одно из знамен на рейхстаге.

В одном из номеров журнала «Музыкальная жизнь» встретили энтузиасты историю Юлии Николаевны Бер-Глинки и ее отца Николая Дмитриевича, который закончил Петербургскую консерваторию, до 1916 года работал в Большом театре хормейстером и дирижером. Выдающиеся артисты того времени пенили и уважали талант Вера. Федор Иванович Шалапин подарил ему портрет с дарственной надписью: «Доброму другу Николаю Дмитриевичу Бер, от Шалапина». (Портрет хранится в музее ГАБТа). После революции музыкант уехал в Ельню, где и создал первую «народную консерваторию».

А вот о дочери его Юлии в Новоспасском не знали ничего. Между тем после балетного училища она работала в Большом театре, пела на фронтах, стала главным балетмейстером ансамбля песни и пляски знаменитой гвардейской Кантемировской дивизии.

Одна глиновская ветвь обнаружилась в Москве. Другая — в Эстонии. Там жила Александра Всеволодовна Глинка, бывшая партизанка, радистка авиационного полка.

— Мы решили устроить для них встречу у нас в Новоспасском, — вспоминает Тамара Кузьминична Королева, — пригласили в гости на родину предков. И что удивительно, они сразу узнали друг друга, хотя прежде не были знакомы. Правда, слышали о своих дальних родственниках, но отыскать себя не сумели. Мы им помогли.

Когда я покидал новый дом, Дом-музей М. И. Глинки, открытый два года назад, подумал, что Хор «Славяна» композитор мог бы посвятить и своим потомкам. Они это заслужили.

В. СМЕРНОВ.

ЕЛЬНЯ.